

УДК 316.3
ББК 60.2561.2<https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-01-17-28>

17

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК АТРИБУТ СТАБИЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ

С.Ю. Иванов, Д.В. Иванова

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые направления, определяющие социальную дифференциацию, вызванную несоответствием рынка образовательных услуг и рынком труда. На основе данных социальной статистики и результатов социологических исследований рассматриваются причины, влияющие на формирование профессиональных траекторий молодежи. Особое внимание авторы уделили анализу института образования, который в современном обществе воспроизводит потребности экономической системы и закрепляет социальную дифференциацию, позволяет индивиду осуществить целостный выбор.

Ключевые слова: образование, рынок труда, молодежь, дифференциация, занятость.

Для цитирования: Иванов С.Ю., Иванова Д.В. Образовательная дифференциация молодежи как атрибут стабильной занятости // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 1. С. 17–28. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-17-28

EDUCATIONAL DIFFERENTIATION OF YOUTH AS ATTRIBUTES OF STABLE EMPLOYMENT

S.Y. Ivanov, D.V. Ivanova

Abstract. The article discusses the key areas that determine the social differentiation caused by the discrepancy between the educational services market and the labor market. Based on the data of social statistics and the results of sociological research, the reasons influencing the formation of professional trajectories of young people are considered.

© Иванов С.Ю., Иванова Д.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

The authors paid special attention to the analysis of the institute of education, which in modern society reproduces the needs of the economic system and strengthens social differentiation, allows an individual to make a holistic choice.

Keywords: *education, labor market, youth, differentiation, employment.*

Cite as: Ivanov S.Y., Ivanova D.V. Educational differentiation of youth as attributes of stable employment. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo*. 2025, No. 1, pp. 17–28. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-17-28

В современном российском обществе образование играет определенную роль для личностного развития и профессионального роста. Социологи-функционалисты справедливо полагают, что образование работает для социализации индивидов с учетом запросов общества. Т. Парсонс рассматривает процесс образования в контексте выполнения следующих функций: экономическая; социального отбора; политического и социального контроля. Заметим, что приоритеты для будущего личностного развития закладываются еще со школьной скамьи. Образовательные учреждения на различных уровнях социального управления самым непосредственным образом участвуют в создании индивидуального человеческого капитала как совокупности знаний, навыков, культурных норм и ценностей, которые используются в той или иной социальной системе. По существу, они формируют у подрастающего поколения нормы поведения и определенный ценностный базис. Одна из ключевых задач образования заключается в подготовке человека труда для экономической системы, с учетом технологического уровня развития производственных мощностей, требуемых обществом. Образование в современном социуме выполняет роль канала социальной мобильности, обеспечивает воспроизводство человеческого капитала. Однако в условиях ограниченных ресурсов обостряется конкуренция в образовании. Успехи и неудачи в образовании во многом связываются с возможностью конкретного роста и требованиями рынка.

Существует целая система образовательных учреждений, благодаря которым молодой человек может получить необходимые знания для поступления в вуз, приема на работу и для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице. Наличие широкого спектра образовательных услуг при ограниченных ресурсах зачастую формирует фиксированную конкуренцию на рынке образования и ограничивает спрос на образовательных услуги традиционных вузов.

При изобилии образовательных услуг и продуктов нельзя однозначно сказать, что современное поколение молодежи высокообразованно. Знания, как таковые, превращаются в «потребительский продукт». Избыток информации не всегда приводит к качественному приращению знаний. Зачастую разрыв в успеваемости молодежи, осваивающей новые знания, сегодня не только не уменьшается, но и увеличивается. Причины здесь самые разнообразные, начиная от социально-экономических и заканчивая личностными.

Современный «образовательный продукт» имеет широкие перспективы роста именно у молодежной целевой группы. Его дифференциация во многом связана с особенностями поведенческих траекторий молодого поколения и, в первую очередь, скорее, с поиском саморазвития, чем с формированием профессиональных

компетенций и выбором будущей профессии. На рынке образовательных услуг мы можем наблюдать следующую дифференциацию: услуги в системе профессионального образования (среднего, высшего и подготовки кадров высшей квалификации) и услуги по дополнительному образованию и обучению детей и взрослых. Причем второй тип услуг по популярности у молодежи часто перевешивает первый тип. В качестве примера приведем образовательную платформу Skillbox.ru. Это одна из ведущих в России образовательных платформ и немногие университеты могут похвастаться таким набором разных программ, курсов и направлений подготовки. На их официальном сайте отмечено 787 курсов: профессии, навыки, высшее образование и даже МВА. Большинство из них можно освоить с нуля, например, python-разработчик за 10 месяцев, бухгалтер – 6 месяцев, интернет-маркетолог – 12 месяцев, режиссер – 12 месяцев или, например, руководитель в ресторанном бизнесе – 9 месяцев. Если вы купите курс с трудоустройством, то компания обещает помочь найти работу или вернет деньги. Такой объем и такая разносторонность составляет серьезную конкуренцию любому вузу, не всегда гарантирующему трудоустройство, не дающего профессию максимум за год и не ведущего курс онлайн, подстраиваясь под ваши запросы и потребности. Да и цены вполне приемлемые, например, чтобы стать бухгалтером за 6 месяцев вы потратите всего 14 400 рублей, оплачивая в месяц 2 400 рублей. Хотите стать интернет-маркетологом, то придется заплатить больше, поскольку длительность курса 12 месяцев – 46 980 рублей (в месяц – 3 915 рублей). Такие цены несоизмеримы с большим конкурсом, сдачей ЕГЭ и оплатой, если не попали на бюджет не меньше 250 тыс. рублей в год. В условиях ужесточающегося социального неравенства, снижения потребительских возможностей у целевых групп, массовое высшее образование с каждым годом снижает свои конкурентные позиции на мобильном рынке образовательных услуг.

По существу, система образования ориентируется на формализованный поколенческий трансфер, интеграцию молодого человека в экономику. Рынок труда задает свои целевые ориентиры в подготовке подрастающего поколения, формировании человеческого капитала. В то же время он обеспечивает использование данного капитала. При этом эффект отдачи человеческого капитала, как подчеркивают Г. Беккер и В. Шульц, зависят от личностной активности и способности саморазвития каждого человека [1].

Безусловно, для общества потребления наиболее «контрастное» формирование человеческого капитала связано с особенностями поведения определенной социальной группы – молодежи [2].

В самом широком значении слова молодежь представляет собой особую социальную группу, которая обладает рядом специфических социально-демографических значимых черт. В их числе возрастные рамки молодежи, согласно действующей нормативно-правовой базе, очерчены весьма нестрого и варьируются в фиксированных пределах с 14 до 35 лет. В то же время дефиницией для данной группы выступает накопленный капитал, а также возможности, которыми обладают различные социальные группы молодежи. На протяжении всей сознательной жизни молодой человек должен принимать самые разнообразные решения, в том числе при выборе учебного заведения, места будущей работы.

В процессе социализации молодежи институты образования задают свои траектории личностного развития. Иными словами, образование сегодня выполняет роль компенсаторного механизма, защищая молодых от возможных социальных рисков.

Однако и данная функция не всегда реализуется в полной мере и отдается на откуп региональным социальным программам.

С каждым годом образовательный процесс сталкивается со все более сложной задачей для подрастающего поколения молодых специалистов. К тому же сама система образования не стоит на месте, а изменяется. Тем не менее, разрыв между требованиями организаций-работодателей и вузов не сокращается.

На какие вызовы система образования должна давать ответы? Во-первых, это несокращающаяся молодежная безработица и низкий уровень оплаты труда молодых специалистов. Согласно данным ООН, в период с 2021 по 2030 гг. численность молодежи вырастет более чем на 78 млн человек. Почти половина этого прироста приходится на страны с низким уровнем дохода. Данные официальной статистики свидетельствуют о том, что достаточно высокой остается доля молодых людей, не имеющих работы, образования или профессиональной подготовки. Их численность сегодня остается высокой и составляет 30 % молодых женщин и 13 % молодых мужчин во всем мире. Для удовлетворения потребностей молодежи в трудоустройстве в ближайшие 15 лет странам необходимо создать как минимум 600 млн рабочих мест [9].

Во-вторых, системы национального образования и обучения должны ответить на современные социальные вызовы и уменьшать возможные риски. Ориентируясь на потребности рынка труда, современные образовательные учреждения разрабатывают свои стратегии адаптации, совершенствуют методы социального взаимодействия с обучающимися. Эти стратегии во многом должны ориентироваться на неоконсервативный подход и предполагать свободу выбора, аккумулировать сложные социально-экономические условия, служить ответом на увеличивающуюся конкуренцию, вызванную отсутствием достаточного финансирования, недостатком кадрового обеспечения, неразвитой учебно-методической базой и др. Учебные заведения предлагают и разрабатывают определенные методы работы, призванные сформировать современного «потребителя знаний», обеспечивающего осознанный профессиональный выбор.

Анализ складывающейся практики позволяет выделить несколько направлений, по которым развиваются учебные заведения: информационное, технологическое и организационное. Для каждого из представленных направлений следует выделить определенную последовательность предпринимаемых действий. Так, информационное направление ориентируется на разработку новых программ, подготовку новых знаний, конкретном опыте. Все это позволяет компенсировать потребности рынка труда в образовательных услугах. Технологическое направление делает ориентир на образование, связанное с изменением методик преподавания, личностно-профессиональных качеств обучающихся. Наконец, организационное направление обусловлено преобразованием структуры учебного процесса, реорганизацией управления. Одна из ключевых задач видится инновационная практика управления, получение элитарного образования, которое увеличивает социальную дифференциацию.

Вместе с тем потребности российской экономики фиксируют аспект повышения доступности образования для молодежи. Данный процесс предполагает повышение стремления молодежи получить образование или повысить квалификацию, например, в другом регионе. На этом фоне растет конкуренция и изменяются установки молодежи на получение образования. По сути, речь идет об «образовательном серфинге» для молодежи. Ценность специализированного уникального образования

уступают место ценности доступного образования, а также образования, которое обеспечивает как стабильную занятость, так и покрывает формируемый спрос на перспективу. Социально-экономические условия позволяют сегодня подтвердить данную аксиому. При этом заработная плата не всегда отражает социально значимые запросы и предвараемое качество образования.

Отмечаемая тенденция у нас в стране не может не сказаться на политике образовательных учреждений по формированию человеческого капитала, представленного в виде наколенных профессиональных знаний, умений и навыков, получаемых в процессе образования и повышения квалификации. Погоня за целевыми рынками и достойными зарплатами не всегда отражает реальные возможности институциональных структур обеспечивать данный тренд. Достаточно рассмотреть изменившийся спрос и предложения на рынке труда. Наиболее отчетливые изменения в уровне занятости можно контрастно проследить в пограничные периоды развития социума. Так, за пандемийный период 2019–2020 гг. (январь – ноябрь) на российском рынке труда фиксируются структурные изменения занятости: существенное сокращение спроса отмечалось среди работников сферы обслуживания и торговли, в том числе: в банковской сфере (–20 %), в туристическом, гостиничном и ресторанном бизнесе (–19 %), в индустрии развлечений и сфере искусств (–15 %). Зато значительно вырос спрос на работников госслужбы (+196 %), медицины (+39 %), строительства и недвижимости (+19 %) [4; 5]. Более того, основной удар пришелся на специалистов среднего уровня квалификации, зато повысился спрос на специалистов высокого уровня квалификации. Речь здесь идет об «эффекте маятника», центровку колебаний которому задают социально востребованные сектора занятости. Существенно выросла и удаленная занятость.

Интенсивное развитие цифровой экономики задает тон сегодняшним инновациям. В значительной степени оно предполагает формирование новой технологической основы как для экономической, так и для социальной сферы.

Изменения самым непосредственным образом коснулись и образования. Рынок образовательных услуг в силу своей инерционности с переменным успехом реагировал на сужения спроса по ряду видов экономической деятельности. Вместе с тем акцент делается на передовые инновационные кластеры, связанные с подготовкой высококвалифицированных IT-специалистов.

Ориентир подрастающего поколения на получение наиболее востребованного образования вполне очевиден, однако его формат несколько отличается от прогнозируемой социально-экономической ситуации. Скорее, речь идет о доступном образовании для значимой доли молодежи.

Многомерная модель спроса и предложения на рынке труда предопределяется целой группой факторов, зависящих как от ожиданий индивида, так и от возможностей системы образования, технологических изменений в производительном труде и т. д. Выбирая профильное образование, молодой человек руководствуется необходимостью обеспечить свою будущую конкурентную позицию на рынке труда. В институциональном формате оно подкрепляется системой формальных документов (сертификатов, дипломов, свидетельств), подтверждающих сформированные компетенции. Все это определяет выход на новые уровни профессиональной стратификационной системы, достойные условия и обновленное содержание вида профессиональной деятельности, наконец, границы между профессиями и специальностями.

Сегодня речь идет о технологичном образовании. При этом технологические процессы становятся все более сложными и предъявляют повышенные требования к уровню образования занятых работников. Технологичность знаний измеряется временем, затраченным на образование, в том числе на повышение квалификации или профессиональную переподготовку. Тем не менее нельзя упускать из рассмотрения, что именно накопленный человеческий капитал является главным активом расширенного воспроизводства и фактором, закрепляющим социальную дифференциацию. В то же время реальность такова, что получаемые индивидом в цифровом обществе компетенции быстро устаревают.

Безусловно, состав человеческого капитала для разных социальных групп молодежи существенно отличается. Индивиды с самого рождения имеют разные способности и таланты и не всегда способны в будущем выполнять любую работу. Ученые (Л. Туроу, Г. Беккер, И. Ильинский) выделяют такие элементы капитала, как: образование, профессиональная подготовка, предпринимательские качества, потребительские ожидания, производительные качества, социокультурный нормы и т. д. Все зависит от оснований для классификации. Акцент видится в том, что в цифровом обществе нередко приходится определять технологическое накопление капитала, которое не всегда приводит к реальному результату и деятельностному активу. Принцип перехода количественного измерения в качественное здесь как никогда работает наиболее четко. Однако такой переход ограничен. Предоставляемое образование сегодня ориентируется на разнообразные потребности выпускников, которые могут носить ситуативный характер.

В эпоху потребления как таковой формат получаемой образовательной услуги привязан к конкретной сфере и виду деятельности, но не к «стандартному приобретению тех или иных услуг». По существу, образовательный продукт оказывается усеченным требованиями конкретной ситуации по принципу «сразу и все».

Традиционный сегмент «образовательного серфинга» вряд ли может в полной мере удовлетворить современные потребительские ожидания молодежи. Адаптация к рыночным условиям предполагает совмещение учебы и работы, ограничения по свободному времени, которые еще в недавнем прошлом невозможно было допустить как типичной практики. В дополнение к росту молодежной вторичной занятости сегодня наблюдается рост числа тех, кто осваивают цифровые профессии – области получения новых знаний и приложения труда. Вектор эффективной вторичной занятости компенсирует поздний выход молодежи на рынок труда вследствие учебы.

Вместе с тем молодежная занятость все меньше оказывается стабильной. Молодые люди становятся менее защищенными от безработицы и рыночной неопределенности. Наблюдаемый разрыв в рыночной дифференциации компенсируется ростом потребности в повышении деловой активности. Молодежь встречается с риском безработицы, вызванной сменой технологического уклада, девальвацией получаемых знаний или их быстрым устареванием. Далеко не всегда молодые люди оказываются готовыми к данным социальным рискам. Неудачи кроются в неспособности элементов образования действовать согласованно с потребностями экономической системы. Образование теряет рамки реформаторского и эгалитарного. Неблагополучие системы, как считают социологи Дж.Л. Томпсон, Дж.Д. Пристли, создает неблагополучие ученика или способствует ему [7].

«Потребительская» мотивация молодых людей предусматривает согласование потребностей и возможностей достижения желаемого результата, исходя

из предоставляемых социумом возможностей. Если проводить аналогию, то можно вспомнить слова известного социолога Ф. Трентманна, который рассматривает современное общество потребления: «Потребность в автомобилях обуславливается наличием дорог» [8]. Другое дело, какого качества эти дороги и какие машины по ним передвигаются.

Фиксируемые изменения объясняют и зарплатную дифференциацию, и размытие трудовой мотивации у молодых по ряду профессий. В странах с переходной экономикой наблюдается существенная зависимость оплаты труда от уровня полученного молодежью образования. Как правило, знаниевый капитал позволяет подняться молодежи на более высокие децильные ступеньки по доходу. Однако у нас в стране по-прежнему много тех выпускников вуза, которые принадлежат к категории малооплачиваемых работников. Не всегда затраты окупают вложения. Сама же идея высокого вознаграждения, зависящего от длительного обучения, критикуется. Так, некоторые высокооплачиваемые профессии молодежь может освоить за более короткий срок. Причем многие молодые люди выбирают низкооплачиваемую работу в силу призвания и личностного интереса. Да и к тому же идею о том, что некоторые профессии более функционально значимы и актуальны, обосновать достаточно сложно в условиях дефицита ресурсов.

Интерес представляет исследование ВШЭ «Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы» (2022 г.). Исследование показало, что зарплата самым непосредственным образом предопределяет статусные позиции выпускников, запросы национальной экономики. Выше всего наблюдаются зарплаты у тех выпускников, кто трудоустроился в секторе добычи полезных ископаемых (108,5 тыс. руб.), сферах информации и связи (86,3 тыс. руб.), финансов и страхования (77,7 тыс. руб.). Все данные сферы довольно небольшие и вместе объединяют 17,6% выпускников 2018 года [3].

Впрочем, отрасли, в которых к концу 2021 г. работала половина выпускников 2018 года, – преимущественно низкооплачиваемые: образование, наука, обрабатывающие производства и торговля. Для сравнения выпускники-педагоги зарабатывают в среднем 71,6 тыс. руб., гуманитарии – 78,8 тыс. руб.

Авторы исследования отмечают, что если в сфере обрабатывающих производств задействованы прежде всего инженеры и выпускники с техническим образованием, то работу в торговле находят себе все, независимо от направлений обучения. Средняя зарплата здесь составляет 49,4 тыс. руб. Вполне очевидно, что текучесть кадров в сфере торговли высокая. Приоритеты молодежи видятся в обеспечении стабильной занятости.

Нельзя исключать проблемы, связанные с заниженной карьерной мобильностью, невысокой образовательной мотивацией молодежи. Образование, по сути, не всегда обеспечивает и гарантирует трансфер рыночных эффектов мобильности. Речь идет как о востребованности знаний, так и о социальных ограничивающих барьерах. В то же время особый аспект связан с реализуемыми государством мерами по сбалансированному регулированию рынка труда.

Итогом является несоответствие между спросом и предложением на рынке труда. Это приводит как к безработице, так и к недоиспользованию трудовых ресурсов. Рост безработицы среди молодежи остается одной из ключевых проблем для ряда стран и еще одним фактором для дифференциации. Интерес представляют данные исследования МОТ «Глобальные тенденции занятости молодежи

в 2020 году: технология и рабочие места завтрашнего дня» [10]. В представленном исследовании показано, что с 2017 г. в мире фиксируется значительная доля тех, кто не задействован на рынке труда. Так, сегодня насчитывается около 188 млн безработных, 165 млн человек, готовых заниматься оплачиваемым трудом более продолжительное время и 120 млн человек, прекративших активные поиски работы или лишенных доступа к рынку труда по иной причине. Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что из 1,3 млрд молодых людей 267 млн не учатся, не работают и не приобретают профессиональных навыков. И эта доля, начиная с 2017 г., имела тенденцию к увеличению. Как можно заметить, закрепляемое неравенство в образовании может приводить к отчуждению труда, особенно для социально уязвимых групп молодежи.

Несмотря на умеренную безработицу, в целом по стране уровень молодежной безработицы в РФ высокий. Согласно данным ФСГС, среди молодых людей в возрасте 20–24 лет в конце 2019 г. уровень безработицы составил 15,1 %, это в 3,2 раза выше общего уровня безработицы, а среди молодежи 15–19 лет – 22,1 % (в 4,7 раз выше). В региональном разрезе доля безработной молодежи колеблется в широких пределах от 30 % до 60 %, причем большую долю из них составляют выпускники высших учебных заведений [6].

В то же время среди трудоустроенных молодых людей велика доля тех, кто работает не по специальности. Некоторые исследователи резонно приходят к выводу о том, что система профессиональной подготовки не отвечает потребностям современного рынка труда [10]. Однако не следует забывать, что данная проблема стабильно фиксируется уже для нескольких поколений молодежи.

Не секрет, что в условиях структурных трансформаций экономики доля молодых людей с высшим образованием в составе трудовых ресурсов растет куда большими темпами, чем усеченный спрос на работников с дипломами. Все это приводит к снижению оплаты их труда по ряду видов экономической деятельности. Недостаток рабочих мест для молодежи говорит о невостребованности их трудового потенциала, диспропорциях в существующих традиционных системах подготовки кадров, отсутствии налаженного диалога представителей органов власти, работников и работодателей.

Очевидно, что разрыв между полученными молодыми людьми узкоспециализированными навыками и общеобразовательными знаниями увеличивается. Переход от многопрофильного к узкопрофессиональному образованию не уменьшил риск молодежной безработицы.

В этой связи вполне очевиден приоритет мобильной занятости и заполнения ниши дополнительного образования на все случаи жизни. Ценности образования включают континуум обеспечения стабильной занятости.

Какой же выход? Мобильное образование. Можно ли получать дополнительное профессиональное образование по другому направлению? Да можно, но вопрос видится в личностной мобильности и востребованном образовательном потенциале молодого человека.

Анализ работы учреждений дополнительного образования за последние несколько лет свидетельствует о достижении позитивных результатов по таким направлениям деятельности, как: сохранение и расширение сети организаций дополнительного образования, увеличение охвата молодежи дополнительным образованием, создание условий в организациях для формирования вторичных компетенций. Система

дополнительного образования молодежи обеспечивает оптимальные условия для включения их в соответствующую профессиональную деятельность, направленную на успешную трудовую адаптацию. В какой-то степени она позволяет снять определенные барьеры для социальной дифференциации и обеспечить необходимую профессиональную адаптацию.

Еще один важный канал мобильности для молодежи – профессиональная деятельность. Однако уровень возможной активности молодежи из разных статусных групп отличается.

Трансформации российской экономики также приводит к развитию новых форм молодежной занятости. Это вызвано необходимостью адаптации трудоспособной молодежи, а также обращением к эффективной и рациональной занятости. Исследования Европейского фонда по улучшению условий жизни и труда фиксируют ряд тенденций в области занятости в новом тысячелетии: значительное увеличение временно занятых; увеличение доли молодых работников, заключающих временные контракты; рост числа самозанятых и работающих неполный рабочий день [11]. В определенной степени принимая решения о месте работы, молодые кандидаты ориентируются на свои выигрыши. Нередко молодые люди «перемещаются» на те позиции, где возможные «общественные блага и льготы» будут значительно больше или же иметь устойчивый характер.

Несмотря на наличие определенных преимуществ от появления новых форм занятости (фриланс, совместное использование работы, временное управление, случайная работа, удаленная работа на основе ИКТ, работа на основе ваучеров, портфельная работа, проектная занятость, работа в платформах, аутстаффинг, временный контракт и т. д.), существуют и определенные социальные риски. Часть из них обусловлены тем, что новые формы занятости развиваются быстрее, чем нормативно-правовая база, а это зачастую приводит к снижению уровня социальной защиты молодых. Не секрет, что новые рабочие места создаются гораздо медленнее, чем происходит высвобождение работников за счет внедрения и использования для совместной работы современных цифровых технологий.

Несомненно, причин, по которым молодые люди выбирают нестандартные формы занятости, достаточно много. Одни ищут возможность дополнительного источника дохода. Другие желают работать на свое материальное благополучие, ценят более высокий уровень личной автономии и независимости и т. д. К тому же так можно зарабатывать больше, чем работая в условиях «традиционных» социально-трудовых отношений. Третьи не могут работать полный рабочий день в силу личных, семейных обстоятельств и выбирают гибкий график работы по различным обстоятельствам. Формируемые новые виды занятости молодежи позволяют самостоятельно определять траектории профессионального развития. В то же время некоторые вынуждены работать в неформальном секторе экономики, т. к. в формальном секторе они не могут найти себе достойную работу, а работодатели часто желают снять с себя социальную ответственность за молодых специалистов.

Устойчивый рост молодежной занятости возможен только при условии ограничения неравенства, существующего на рынке труда, и пробелов в обеспечении молодежи достойной работой и факторов, препятствующих развитию многообразного человеческого потенциала.

Иначе говоря, гарантировать удовлетворение потребностей регионального рынка труда в условиях риска и неопределенности, а также в конкретных специалистах

не всегда получается. Молодежь все равно устремляется туда, где «выше» будет спрос на труд и возможность удовлетворить их социально значимые запросы. Тем не менее сбалансированность регионального образования и регионального рынка труда все-таки необходимо обеспечивать.

Проблема видится в том, что принятие решения – куда пойти учиться и по какой специальности – исходит прежде всего из индивидуальных интересов и предпочтений молодого человека. Причем, как было подчеркнуто, они могут находиться в оппозиции к потребностям рынка труда. Система образования и рынок труда, по существу, подталкивают молодежь к принятию решений в аспекте «здесь и сейчас». Однако возникающие диспропорции в этой связи проявляются в том, что те или иные направления образования развиваются в регионах, где для будущих молодых специалистов нет никаких перспектив.

Справедливости ради заметим, что система вузовского образования в ряде европейских стран ориентируется на продолженный характер, когда человек подходит к выбору второго уровня образования в более зрелом и осознанном возрасте. Очевидно, что фазы выбора, как и целевые ориентиры, совершенно разные для разных целевых групп: тех, кто не прерывал процесс обучения и тех, кто задумывается о совершенствовании своих профессиональных компетенций в более зрелом возрасте.

Обратимся к результатам опроса «Абитуриент – 2023», проведенного лабораторией социальных технологий кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой. В качестве респондентов выступали абитуриенты средних профессиональных и средних общеобразовательных учреждений. Всего было опрошено 130 абитуриентов. На вопрос о том, чем обусловлен ваш выбор направления подготовки/образовательной программы, по которому вы собираетесь обучаться мнение респондентов разделилось. Наибольшую долю респондентов, представляли те, кто отметил интерес к выбранной специальности (39 %, против 24 % в апреле 2022 г.). 16 % выбрали ответ «выбранная профессия – это мое призвание» (20 % – апрель 2022 г.). Востребованность на рынке труда отметили только 5 % респондентов, еще 6 % рассчитывают на конкретное место работы, 7 % отметили престиж профессии (соответственно в апреле 2022 г. – 4 %, 5 %, 5 %). Как можно заметить, изменения в ответах за последние три года не столь значительные. Среди основных целей прихода на день открытых дверей респонденты отметили необходимость получения информации об особенностях приема в университет (38 %), об образовательном процессе и особенностях конкретных программ (15 %). Еще 10 % определили свой интерес в получении информации о новых образовательных программах.

Таким образом, будущие студенты изначально задумываются прежде всего о своем индивидуальном выборе, который закладывает определенный дифференцирующий барьер.

Новый образовательный трекинг для современного человека связан, скорее, с «обслуживанием» интересов и потребностей экономической системы. Нет оснований полагать, что получаемое дополнительное образование даст возможность получить молодым людям работу на полную ставку. Сегодня приходится наблюдать укрепляющийся переход образования на рельсы бизнеса, который ориентируется на вполне конкретный рынок и социальные риски. Речь идет о размывании социальной ответственности работодателей при доминантной роли личностного потенциала. Обычно путь к профессиональной мобильности закладывается еще в школе. Наблюдаемые изменения в структуре занятости и профессиональной мобильности

вовсе не исчезают, а маскируются социально-статусными признакам социально-демографическими особенностями исследуемых групп. Для представителей молодежи изменяются жизненные условия, однако барьеры, сдерживающие их социальную мобильность, остаются.

Социум в условиях риска предъявляет повышенные требования к человеческому капиталу, что, безусловно, не может не сказаться на увеличивающейся социальной дифференциации. На рынке труда все больше требуются специалисты с технологичным образованием. Однако технологичность не обозначает универсальность. Планы молодежи, представляющие различные статусные группы, не всегда схожи. Наблюдаемая на рынке дифференциация спроса и предложения, скорее, будет ориентироваться на накопленный молодым человеком капитал и личностную способность его использовать. Последнее обстоятельство определяет долгосрочную тенденцию в получении человеком стабильного дохода от его использования накопленного капитала. Разный вклад молодого человека в формируемый капитал будет приводить к разным результатам и определять различные жизненные стратегии его профессионального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккер Г.С. Человеческое поведение: Экономический подход. Избранные труды по экономической теории / пер. с англ.; сост., научн. ред. Р.А. Капелюшников; предисл. М.И. Левин. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 670 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 783 с.
3. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы: доклады XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Н.К. Емелина, К.В. Рожкова, С.Ю. Рощин, С.А. Солнцев, П.В. Травкин. М.: ИД ВШЭ, 2022. 160 с.
4. Кашепов А.В., Афонина К.В., Головачев Н.В. Кризис рынка труда в 2020–2021 гг. и структурные изменения // Экономика и социум. 2020. № 1 (38). С. 33–44.
5. Кашепов А.В. Структура занятости в экономике по видам деятельности и основным профессиональным группам // Социально-трудовые исследования. 2020. № 1 (38). С. 19–30.
6. Соловьева Д.А., Семина Л.А. Проблема занятости молодежи в России // Актуальные исследования. 2021. № 18 (45). С. 73–76.
7. Томпсон Дж.Л., Пристли Дж. Д. Социология: Вводный курс. М.: АСТ, 1998. 491 с.
8. Трентманн Ф. Эволюция потребления. М.: Бомбора, 2019. 569 с.
9. ООН: Преобразование навыков молодежи для будущего. URL: <https://www.un.org/ru/observances/world-youth-skills-day> (дата обращения: 11.01.2023).
10. Global Employment Trends for Youth 2020: Technology and the future of jobs. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_737648/lang--en/index.htm (дата обращения: 11.01.2023).
11. New forms of employment, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2015. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2015/new-forms-of-employment> (дата обращения: 11.01.2023).

REFERENCES

1. Bekker G.S. *Chelovecheskoe povedenie: Ekonomicheskii podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoi teorii*. Transl. from English, ed. R.A. Kapelyushnikov. Moscow: GU VShE, 2003. 670 p.
2. Bell D. *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*. Moscow: Academia, 2004. 783 p.
3. *Vypuskniki vysshego obrazovaniya na rossiiskom rynke truda: trendy i vyzovy: doklady XXIII Yasinskoi (Aprelskoi) mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 2022 g.* Eds.: N.K. Emelina, K.V. Rozhkova, S.Yu. Roshchin, S.A. Solntsev, P.V. Travkin. Moscow: ID VShE, 2022. 160 p.
4. Kashepov A.V., Afonina K.V., Golovachev N.V. Krizis rynka truda v 2020–2021 gg. i strukturnye izmeneniya. *Ekonomika i sotsium*. 2020, No. 1 (38), pp. 33–44.
5. Kashepov A.V. Struktura zanyatosti v ekonomike po vidam deyatelnosti i osnovnym professionalnym gruppam. *Sotsialno-trudovye issledovaniya*. 2020, No. 1 (38), pp. 19–30.
6. Soloveva D.A., Semina L.A. Problema zanyatosti molodezhi v Rossii. *Aktualnye issledovaniya*. 2021, No. 18 (45), pp. 73–76.
7. Tompson Dzh.L., Pristli Dzh. D. *Sotsiologiya: Vvodnyi kurs*. Moscow: AST, 1998. 491 p.
8. Trentmann F. *Evolyutsiya potrebleniya*. Moscow: Bombora, 2019. 569 p.
9. OON: Preobrazovanie navykov molodezhi dlya budushchego. Available at: <https://www.un.org/ru/observances/world-youth-skills-day> (accessed: 11.01.2023).
10. Global Employment Trends for Youth 2020: Technology and the future of jobs. Available at: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_737648/lang--en/index.htm (accessed: 11.01.2023).
11. New forms of employment, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2015. Available at: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2015/new-forms-of-employment> (accessed: 11.01.2023).

Сведения об авторах / About Authors:

Иванов Сергей Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет, e-mail: syu.ivanov@mpgu.su

Ivanov Sergey Yurievich, ScD in Social Sciences, Full Professor, Head, Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova Department, Moscow Pedagogical State University, e-mail: syu.ivanov@mpgu.su

Иванова Дарья Вячеславовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет, e-mail: soc-lab@yandex.ru

Ivanova Daria Vyacheslavovna, PhD in Social Sciences, Associate Professor, Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova Department, Moscow Pedagogical State University, e-mail: soc-lab@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.02.2025 / The article was received on 07.02.2025

Статья принята к публикации 20.02.2025 / The article accepted for publication 20.02.2025